

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.2>

UDC 94(48).052“1713”+929Петр(470)*1
ЛБС 63.3(2)511

Submitted: 13.09.2021
Accepted: 22.11.2021

**“AND THE TIME NOW IS NOT DIFFERENT, BUT STILL THE PRESENT...”:
THE PROBLEM OF THE RATIFICATION
OF THE ADRIANOPLE PEACE TREATY (1713)**

Tatyana A. Bazarova

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Annotation. *Introduction.* The Peace of Adrianople (June 13, 1713) ended the Russian-Turkish war of 1710–1713. The Prut (1711) and Constantinople (1712) treaties signed by the Russian ambassadors were not ratified by the Turkish side. In Adrianople, there were also problems related to the confirmation of the treaty. *Methods and materials.* The source base was formed by documents stored in the Russian State Archive of Ancient Acts (F. 89 “Relations between Russia and Turkey”), as well as in the Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of RAS (F. 83 “Field Chancellery of Alexander D. Menshikov”). A comprehensive study of archival and published materials, a comparison of the information contained in them made it possible to formulate and analyze the main problems associated with the signing and ratification of the peace treaty. *Analysis.* The basis of the Adrianople peace, which the ambassadors extraordinary and plenipotentiary P. Shafirov and M. Sheremetev concluded with the Sublime Porte, was the provisions of the Peace Treaty of Constantinople (April 5, 1712). The additions made by the Ottoman ministers related to the Polish and Crimean problems did not meet the interests of Peter I. The wording “on the Crimean payment” was the result of a long diplomatic struggle and left the problem open. On June 22, 1713, Russian ambassadors and Ottoman ministers exchanged by the texts of the treaty. The countdown of the delivery time (90 days) of the confirmation of the peace agreement by Peter I began on June 13. The demand to send an ambassador with the ratification is also connected with the intention of the Sublime Porte to continue negotiations on Crimean payments. *Results.* The Russian ambassadors managed to prevent the revision of the agreement confirmed by the tsar. The Sublime Porte was no less interested than Russia in ending the war. The provisions of the Adrianople peace reflected the interests of the Ottoman government, which refused to support by force the demands of the Crimean Khan.

Key words: Treaty of Adrianople (1713), Peter I, Shafirov, Russian-Turkish war of 1710–1713, Crimean payments, Russian-Turkish peace negotiations.

Citation. Bazarova T.A. “And the Time Now is Not Different, but Still the Present...”: The Problem of the Ratification of the Adrianople Peace Treaty (1713). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 15-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.2>

УДК 94(48).052“1713”+929Петр(470)*1
ББК 63.3(2)511

Дата поступления статьи: 13.09.2021
Дата принятия статьи: 22.11.2021

**«А ВРЕМЯ-ДЕ НЫНЕ НЕ ИНОЕ, НО ЕЩЕ НАСТОЯЩЕЕ...»:
ПРОБЛЕМА РАТИФИКАЦИИ
АДРИАНОПОЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА (1713)**

Татьяна Анатольевна Базарова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Адрианонопольский мир (13 июня 1713 г.) ознаменовал окончание Русско-турецкой войны 1710–1713 годов. Подписанные русскими послами Прутский (1711) и Константи-

нопольский (1712) договоры не были ратифицированы турецкой стороной. В Адрианополе также возникли проблемы, связанные с подтверждением договора. *Методы и материалы.* Основу источниковой базы составили документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 89 «Сношения России с Турцией»), а также в Архиве СПбИИ РАН (Ф. 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова»). Комплексное исследование архивных и опубликованных материалов, сопоставление содержащихся в них сведений дало возможность сформулировать и проанализировать основные проблемы, связанные с подписанием и ратификацией мирного договора. *Анализ.* Основой Адрианопольского мира, который чрезвычайные и полномочные послы П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев заключили с Высокой Портой, стали положения Константинопольского мирного договора (5 апреля 1712 г.). Внесенные османскими министрами дополнения, касающиеся польского и крымского вопросов, не отвечали интересам Петра I. Формулировка «о запросе крымском» стала результатом длительной дипломатической борьбы и оставляла проблему открытой. 22 июня 1713 г. русские послы и османские министры обменялись текстами договора. Отсчет срока доставки (90 дней) подтверждения Петром I мирного соглашения начинался 13 июня. Требование отправить с ратификацией посла связано также и с намерением Высокой Порты продолжить переговоры по вопросу о крымских выплатах. *Результаты.* Русским послам удалось предотвратить пересмотр подтвержденного царем договора. Высокая Порта не меньше, чем Россия была заинтересована в прекращении войны. Положения Адрианопольского мира отражали интересы османского правительства, отказавшегося поддерживать силой требования крымского хана.

Ключевые слова: Адрианопольский договор (1713), Петр I, Шафиров, Русско-турецкая война 1710–1713 гг., крымские выплаты, русско-турецкие мирные переговоры.

Цитирование. Базарова Т. А. «А время-де ныне не иное, но еще настоящее...»: проблема ратификации Адрианопольского мирного договора (1713) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 15–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.2>

Введение. Адрианопольский мир (13 июня 1713 г.) ознаменовал окончание Русско-турецкой войны 1710–1713 годов. Основой соглашения, которое чрезвычайные и полномочные послы П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев заключили с Высокой Портой, стал текст Константинопольского мирного договора (5 апреля 1712 г.). Он был подписан сроком на 25 лет, но в октябре 1712 г. Порта разорвала мирные отношения с Россией и начала подготовку военного похода. П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев были заключены в крепость Едикуле. Оттуда в конце марта 1713 г. их доставили в Адрианополь (Эдирне), где находился султан Ахмед III и османское правительство.

В Адрианополе встречи послов с турецкими министрами начались 2 апреля и продолжались с перерывами до 12 июня 1713 года. Под давлением османской стороны петровские дипломаты были вынуждены согласиться на уступки¹. В первую статью договора добавили двухмесячный срок вывода русских войск из Речи Посполитой, которым позволя-

лось при возвращении из Померании один раз пройти через польские земли. Данное условие распространили и на царя («ежели восхощет подавать сикурс в Померанию, не имеет оной проходить чрез Польшу») [11, с. 182]. Согласно седьмой статье, разграничению подлежала территория между реками Самарой и Арелью; новые крепости там строить запрещалось. Под давлением османских министров и активно участвовавшего в переговорах хана Каплана I Гирея в тексте соглашения появилось упоминание о крымской выплате (статья 10). Именно вокруг нее происходила самая напряженная дипломатическая борьба, сопровождавшаяся неоднократными угрозами жизни послам и началом военных действий. «Сей пункт нам бедственнее всех прочих был», – жаловался П.П. Шафиров [11, с. 446]. Вошедшая в текст договора формулировка («О запросе крымском, предложенном от Блистательной Порты, понеже не имеем мы полной мочи и ныне не ведаем о том деле намерения царского величества, нашего всемилоостивейшего государя, и тако имеется о том в

иное время говорить и соглашаться с изволения обеих стран») [11, с. 185; 21, с. 42] оставляла проблему открытой, что не отвечало интересам ни крымского хана, ни русского правительства.

Ранее подписанные русскими послами Прутский (12 июля 1711 г.) и Константинопольский (5 апреля 1712 г.) мирные договоры не были ратифицированы турецкой стороной. Причиной называли невыполнение Петром I указанных в соглашениях обязательств². В конце тяжелых и напряженных переговоров в Адрианополе также возникли проблемы, связанные с ратификацией договора и грозившие свести на нет все усилия петровских дипломатов.

Методы и материалы. Предыстория и ход переговоров в Адрианополе нашли свое отражение в трудах ученых, затрагивавших различные аспекты взаимоотношений России и Османской империи первой четверти XVIII в. [2; 3; 8; 10]. Как правило, исследователи выделяли два основных фактора, воздействовавших на позицию Высокой Порты, – польский и крымский. В.А. Артамонов сделал акцент на росте числа татарских набегов на пограничные земли в 1712–1713 гг., что, по его мнению, укрепляло позицию османских министров [1, с. 79–82; 2, с. 139; 3, с. 362]. Т.К. Крылова отметила, что на ход переговоров оказали влияние полученные в Адрианополе известия о европейских событиях: капитуляции шведской армии М. Стенбока и заключении Утрехтского мира [8, с. 426]. Согласно выводу С.Ф. Орешковой, условия мира стали базой, на которой складывались русско-турецкие отношения на последнем этапе Северной войны [10, с. 187]. Историки высоко оценивали мастерство вице-канцлера П.П. Шафирова как дипломата, проявленное на переговорах в Адрианополе. Тем не менее дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг ратификации и попыток Высокой Порты использовать прибытие нового царского посла для пересмотра ряда положений договора, остается слабо изученной.

Основной источниковой базой для изучения проблемы являются документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 89 «Сношения России с Турцией»): отправленные П.П. Шафировым

и другими русскими послами из Адрианополя в Посольский приказ письма и записки, а также их переписка с русскими дипломатами при европейских дворах. Окончательный и черновые варианты Адрианопольского договора, грамоты Петра I, а также инструкции, записки послов и часть дипломатической переписки были опубликованы на страницах двух выпусков 13-го тома «Писем и бумаг императора Петра Великого». Дополнительную информацию содержит отложившийся в Архиве СПБ ИИ РАН (Ф. 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова») черновик статейного списка П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева за 1713 г., который еще не введен в широкий научный оборот [24; 25]. Упоминания о событиях в Адрианополе, а также копию русско-турецкого соглашения на итальянском языке можно обнаружить и в донесениях английского посла при Высокой Порте Р. Саттона [28, р. 183–188].

Комплексное исследование архивных и опубликованных материалов, сопоставление содержащихся в них сведений – все это дает возможность выявить и проанализировать основные проблемы, связанные с подписанием и ратификацией мирного договора, а также рассмотреть их в контексте русско-турецких отношений первой четверти XVIII века.

Анализ. В научной литературе встречается утверждение, что подписание Адрианопольского мирного договора состоялось 13 июня 1713 г. [9, с. 205; 10, с. 184]. Текст соглашения на русском языке заканчивается фразой: «Еже учинено в Адриянополе лета 1713, июня в 13 день» [11, с. 186]. В трактате на турецком (османском) языке указана другая дата – 3 джумада II 1125 по хиджре, то есть 16 (27) июня 1713 г. [26, р. 159], этим же днем датирована и копия (без предисловия и заключения) на французском языке, отправленная Р. Саттоном британскому правительству 10 августа [28, р. 180–181].

Датой заключения соглашения, как правило, объявлялся день, когда участвовавшие в переговорах сторон дипломаты обменивались согласованными текстами договора. Именно эта дата вносилась в последний вариант документа. В Адрианополе обмен договорами состоялся не 13 июня, а девятью днями позже. Основные события 13 июня от-

ражены в донесениях П.П. Шафирова в Посольский приказ и статейном списке.

Накануне, 12 июня, состоялась последняя конференция русских послов с османскими министрами, на которой так и не удалось достигнуть согласия по последним спорным вопросам (запрет въезжать царю в Польшу, выплаты крымскому хану и др.). Вечером вокруг посольского двора увеличили янычарскую охрану. Русских дипломатов обвинили в том, что они намеренно затягивают переговоры, чтобы минуло подходящее для военного похода время. 13 июня им передали слова рейс-эфенди: если не примут выдвинутые условия, «то ожидали себе конца, и будут им головы, где у них ноги». В этот же день послы, посовещавшись, направили переводчика к рейс-эфенди с согласием подписать мирный договор в предложенной Портой редакции [11, с. 453–454]. 16 июня 1713 г. вице-канцлер сообщил царю: «Сего июня в 13 день с теми комиссарами согласились и артикулы договора на мере поставили» [12, с. 352]. Однако обмена даже черновыми текстами в тот день не произошло. Лишь 14 июня послы получили проект соглашения, сопровождавшийся угрозой великого везира Дамата Али-паши: если «содержано не будет... то претерпите великое зло за то, что своими трактатами удержали Порту от всеконечной и намеренной войны и походу нынешнего году» [12, с. 352]. Полученный документ содержал изложение основных статей, но не имел предисловия и заключения.

15 июня 1713 г. состоявшийся в султанском дворце Диван (с участием и крымского хана Каплана I Гирея) утвердил мирный договор. Османская сторона начала подготовку белого экземпляра. Драгоман И. Маврокордато передал П.П. Шафирову указание, чтобы русские переводчики тоже писали «набело». Однако текст заключения послам так и не передали («только еще не прислано к ним окончания, как к тому трактату написано, которое надлежит им высмотреть») [11, с. 456].

Великий везир велел послам снарядить гонца («человека лехкого») с известием к царю и Б.П. Шереметеву, «дабы о том ведая никаких противных действий со обеих сторон войска не чинили», а также сообщить командующим армии в Польше о двухмесячном сроке

вывода войск [11, с. 456; 12, с. 353]. 16 июня П.П. Шафиров направил к Петру I в Санкт-Петербург курьера – драгуна Михаила Арсеньева³ с еще не согласованным текстом («с тех пунктов к вашему величеству список без предисловия и заключения, ибо оные еще на мере не стали»). Безусловно, П.П. Шафиров имел основания рассчитывать, что в качестве даты подписания соглашения будет указан день, когда послы обменяются текстами договора с османскими министрами. В письме государю 16 июня вице-канцлер попросил составить ратификацию договора «в генеральных терминах», оставив пустое место, куда можно было бы позднее вписать дату его подписания [12, с. 353–354].

Уже после отъезда курьера послам передали заключительную часть договора. П.П. Шафиров обратил внимание на добавленное обязательство отправить царскую ратификацию с «особливым послом», которому надлежало прибыть в Адрианополь в 90-дневный срок. Отсчет этого срока начинался 13 июня – «от числа определения того трактату» [11, с. 457]. П.П. Шафиров попытался убедить османских министров, что нет необходимости направлять к Порте еще одного посла. Ратификацию мог бы доставить гонец, а затем они сами ее вручат. Однако по словам драгомана Порты И. Маврокордато, данное условие велел вписать султан и потому изменить текст невозможно. В отличие от русской копии трактата именно этот день – 16 июня 1713 г. – обозначен в договоре на турецком языке как день его подписания.

П.П. Шафиров дважды участвовал в переговорах с османскими министрами, завершившихся подписанием мирных соглашений. Общеизвестные даты заключения Прутского (12 июля 1711 г.) и Константинопольского (5 апреля 1712 г.) мира – это дни обмена текстами договоров. 12 июля 1711 г. в турецком военном лагере «послы... по некоторым любительных от везира разговорах теми трактаты розменялись, которые писаны от страны царского величества на российском языке с приложенною копию италянскою, а с турецкой стороны на турецком языке» [4, с. 165]. 5 апреля 1712 г. состоялась окончательная сверка текстов договора, а затем в присутствии посредников английского посла Р. Саттона и голланд-

кого посла Я. Кольера произошел обмен грамотами. События этого дня отражены и в статейном списке П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева: «И, приехав к везирию в полату, посажены рядом с послами по обычаю. И везирь благодарил послов за труды. <...> И говорил, чтоб мы отдали свой трактат (которой подписан и запечатан наперед при послах) посреднику послу аглинскому, которой оной от них, послов, приняв, вручил везирию. Которой, приняв, також отдал ему свой трактат, подписанной и запечатанной по обычаю. А посол уже отдал царского величества министром» [4, с. 378–379].

В Адрианополе попытки П.П. Шафирова заручиться поддержкой рейс-эфенди и муфтия не увенчались успехом. Османские министры отказались принять во внимание, что курьеру понадобится не менее месяца, чтобы добраться до Санкт-Петербурга (а если государь будет в походе в Финляндию или на флоте, то и больше). За оставшееся время снарядить посольство не представлялось возможным. Рейс-эфенди посоветовал вице-канцлеру отправить с ратификацией незнатного человека, «толк б доброй шляхтич и имел характер в грамоте царского величества посольской, и приехал особах в пятнатцати на почте к сроку к Порте». Он сможет «то дело обще с ними, послами, здесь удобно управить» [11, с. 458]. Все попытки П.П. Шафирова увеличить срок доставки ратификации до четырех-пяти месяцев или исправить в мирном договоре число с 13 июня на тот день, когда состоится размена, окончились неудачей.

20 июня 1713 г. Адрианополь покинул еще один курьер – Константин Васильев. Он вез письма Петру I и канцлеру Г.И. Головкину о необходимости доставить ратификацию не позднее 13 сентября, и не с курьером, а с послом. Вице-канцлер просил не задерживать отправку посла и заранее уведомить о том, кто будет прислан в Адрианополь. Он напоминал, что А.Ф. Лопухин⁴ из-за неспешного сбора мягкой рухляди задержался в Москве «з 20 дней и, навязав на него целые возы того, имянно написали к нему, чтоб он возы доvez с собою». Основываясь на предыдущем опыте, он попросил «послать с тем назначенным послом из своих кого адъютантов или доброго куриера, чтоб его скорее выпроводить и к

нам доvez к сроку» [18, л. 608 об. – 609]. В отправленном с тем же курьером письме Г.И. Головкину он повторил рекомендации рейс-эфенди: чтобы царь указал «какую-нибудь, хотя и невысокую особу, определя, толк б с характером посла, с тою подтвержденною грамотою прислать персонах в пятнатцати изволил» [12, с. 355]. П.П. Шафиров имел основания опасаться, что великий везир воспользуется прибытием посла, чтобы внести в договор новые изменения. Поэтому он попросил царя прислать грамоту с запретом своим послам вступать в любые «негоциации».

22 июня в Адрианополе наконец состоялся обмен грамотами. В этот день «послы подали везирию с своей страны трактат, а везирь с своей, и принял те оба трактаты и рознее послам от Порты, а везирию от послов рейс-эфендий. И потом потчивали кофеем, шербетем и подавали воду на руки, також и кажены по обыкновению, и отпущены на двор свой, но кафтанов, как у них обычай, ни на послов, ни на дворян их не надевали» [11, с. 459]. На одной из сохранившихся до наших дней копий договора в качестве даты подписания указано 22 июня 1713 г. [11, с. 186]. В переписке послов с Посольским приказом также встречаются упоминания о заключении трактата 22 июня [14, л. 47 об.]. Утвержденный османской стороной трактат послы поручили доставить к царскому двору ротмистру А.П. Волынскому.

П.П. Шафиров имел много поводов для тревоги относительно судьбы подписанного им договора. В течение восьми месяцев вице-канцлер не получал ни указов царя, ни посланий из Посольского приказа. Отправленную 30 мая 1713 г. из Санкт-Петербурга инструкцию послы получили уже после завершения переговоров [22, с. 289; 25, л. 599–599 об.]. Основным источником сведений о ходе военных действий и изменении европейской политической ситуации были письма коллег: западноевропейских дипломатов в Стамбуле и русских послов в европейских столицах. Особенно П.П. Шафирова беспокоило вынужденное включение в договор статьи о возможном возобновлении выплат Крыму. Не было известно русским послам и о ситуации в Польше: предыдущее мирное соглашение османы не ратифицировали из-за пребывания русских

войск в Речи Посполитой. Тревожным знаком вице-канцлеру казалось то, что Высокая Порты откладывала начало переговоров о ратификации Карловицкого мира (1699) с послами Августа II, а османские войска стягивались к Хотину, якобы для ремонта крепости [3, с. 373–374; 24, л. 165–165 об.; 26, р. 160].

Русские дипломаты с нетерпением ожидали прибытия посла в Адрианополь. Напряженность политической обстановки не ослабевала. В начале июля был отправлен в отставку муфтий, а в городе появились слухи, что царская армия подошла к Бендерам. Не имевшие известий от русского правительства послы получили разрешение у Порты послать курьера к Б.П. Шереметеву. Они писали генерал-фельдмаршалу: если слухи верны, возвратит войска из похода и не начинать «воинских действий». Петровские дипломаты также просили Б.П. Шереметева и Ф.М. Апраксина всемерно содействовать прибытию посла с ратификацией в оговоренный в трактате 90-дневный срок, то есть не позднее 13 сентября [20, л. 43–44].

Высокая Порты по-прежнему сомневалась в отсутствии русских войск в Польше. Великий везир потребовал, чтобы послы отправили к русскому командованию «какую знатную особу» с письмами о немедленном выводе войск с польских земель, и настоял на кандидатуре А.Ф. Лопухина [19, л. 365]. В июне комнатный стольник выехал в Польшу, и «то дело по инструкции ему данной исправил». Во Львове А.Ф. Лопухин встретился с коронным гетманом А.Н. Синявским и польскими сенаторами, а также отправил курьера в Варшаву к русскому резиденту при дворе Августа II А.И. Дашкову. Полученные «у гетманов и сенаторей польских обоих народов атестаты за их руками и печатями» об отсутствии царских войск в Польше А.Ф. Лопухин переслал П.П. Шафирову в Адрианополь. 23 августа вице-канцлер предъявил свидетельства Высокой Порты, «чем она зело явилась быть доволна» [25, л. 481 об.].

Наконец, 15 августа 1713 г. в Адрианополь вернулся курьер – прапорщик М. Арсеньев с письмами и указами из Санкт-Петербурга. Русские послы узнали, что царь мирный договор «изволил принять за благо» и поручил доставить ратификацию Д.А. Бестужеву-Рюмину [7, л. 25].

Как и полагал вице-канцлер, недовольство государя вызвал запрет въезда на польские земли, а также статья о крымских выплатах: «...ибо оным оставлена дыра сим псам в огород христиан влесть. Но однако, когда уже зделано, быть так» [12, с. 61]. В 1713 г. русские войска под руководством А.Д. Меншикова вместе с союзниками успешно действовали в Померании, а Ф.М. Апраксин во главе флота – в Финляндии [9, с. 325–328]. В июле царь намеревался и сам направиться к финским берегам, поэтому остро нуждался в скорейшем подписании договора, который обеспечивал спокойствие на южных рубежах государства⁵. Петр I утвердил мирное соглашение и указал принять все меры, чтобы не дать повода Высокой Порте отказаться от ратификации.

По просьбе П.П. Шафирова генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, армия которого находилась на Украине, были доставлены указы не отправлять полки на помощь Августу II и не вступать в приграничные стычки с татарскими и кубанскими отрядами. Это привело к росту набегов татар и запорожцев. Г.И. Головкин сообщал, что кубанские татары «непрестанно ходят в Украину и в низовые города и чинят людем многое разорение, и такожде берут в полон». Канцлер просил послов, чтобы они передали информацию о нарушении условий договора османскому правительству [25, л. 529 об.].

Назначенный послом к Высокой Порте ближний стольник Д.А. Бестужев-Рюмин несколько лет обучался морскому делу в Голландии и Англии и вернулся в Россию только в 1713 году. В Санкт-Петербурге спешно подготовили необходимые для его поездки документы. Ратификация, верительная грамота и инструкция Д.А. Бестужеву-Рюмину датированы 20 июля. В тот же день «с великим поспешением», чтобы успеть к определенному в договоре сроку, он отправился в путь (выехав еще до приезда в Санкт-Петербург А.П. Волынского с окончательным текстом трактата) [13, л. 28].

28 июля Д.А. Бестужев-Рюмин прибыл в Москву (где ему было велено «мешкать» не более трех часов). Там к послу и сопровождавшему его курьеру Семену Кишкину присоединились подьячий Малороссийского

приказа Матвей Ключарев и толмач Кутламамбет Нагаев [5, л. 19]. Еще в Санкт-Петербурге Д.А. Бестужев-Рюмин «для той посылки на подъем» получил 500 рублей, а также «на роздачу от дел его великого государя» два сорока соболей ценой в 540 рублей [5, л. 18–19 об.]. В первопрестольной посолу передали 10 000 червонных и мягкую рухлядь для подарков султану и османским министрам – все, что удалось собрать за короткий срок. Из Сибирского приказа доставили лисьи меха «греческого дела» и «русского дела», меха горностаевые и беличьи на 1 387 рублей. 3 августа посол приехал в Киев, где Б.П. Шереметев дал ему в сопровождение и для охраны казаков [15, л. 23].

В османском посольском обычае церемонии въезда иностранного посла в резиденцию султана придавалось большое значение. Поэтому, как встречали представителя зарубежной державы, можно было судить о характере отношений между двумя государствами. Горожане толпами выходили на улицы и смотрели на церемонию из окон домов. Европейские дипломаты тоже пристально наблюдали за въездом своего коллеги, отмечая малейшие детали и величину оказываемых ему почестей.

Русские послы добивались, чтобы Д.А. Бестужеву-Рюмину «ни в чем никакого умаления не было» «против великих послов царского величества, которые прежде сего бывали, таже и против других государей коронованных послов». Узнав о его скором прибытии к турецкой границе, П.П. Шафиров обратился к великому везиру с просьбой указать пограничному бендерскому паше выслать Д.А. Бестужеву-Рюмину «для безопасного его препровождения канвой навстречу и трактовали его в пути з достойным характеру его довольством и почтением». П.П. Шафиров также просил назначить «для почтения ему, послу, какого знатного человека в приставы дорожные, с которым бы и им, послам, от себя послать позволили офицера» [11, с. 459]. 19 августа два пристава отправились навстречу Д.А. Бестужеву-Рюмину с указанием «...его, посла, вести со всякою подобающею честью и з доволством». Через десять дней Д.А. Бестужев-Рюмин прибыл на «подхожей» стан в четырех часах езды от Адрианополя и извещил об этом вице-канцлера.

Перед въездом в резиденцию посол и его свита меняли дорожную одежду на дорогие, богато украшенные одеяния. Глава дипломатической миссии пересаживался на присланную османским правительством лошадь в нарядном уборе. П.П. Шафиров посоветовал Д.А. Бестужеву-Рюмину добиваться у великого везира, «чтоб лошадь с убором от салтанского лица была выслана при чиновных на встречу определенных турках». Посол поначалу получил отказ с объяснением, что «того у них в старых записках нет нигде, чтоб то чинено», и даже П.А. Толстому великий везир Кёпрюлю Хуссейн-паша предоставлял своих лошадей.

В 1700 г. великий посол Д.М. Голицын (он вез ратификацию Константинопольского мира) также потребовал для въезда в Адрианополь лошадь из султанской конюшни: «А если будет прислана с везирской, то поеду в корете», – тогда пригрозил князь. Спустя тринадцать лет П.П. Шафиров указал Д.А. Бестужеву-Рюмину последовать примеру предшественника и объявить приставам, что если такую лошадь не пришлют, «то он поедет яко подорожной, а не яко посол, на почте, ибо он с собою лошадей за скоростию отпуску иметь не мог» [11, с. 459]. Угроза подействовала. 31 августа 1713 г. прибывшего с царской грамотой Д.А. Бестужева-Рюмина встретили в Адрианополе «с ызрядным убранством и с великою помпою, каковой, сказывают, и царским послам не бывало». За въездом доставившего ратификацию представителя русского царя наблюдало «множество народа турецкого и иные многие иноземцы обретающиеся, и резидент царской и секретари польские смотрели» [7, л. 27; 11, с. 460].

П.П. Шафиров опасался, что Высокая Порта воспользуется прибытием посла, чтобы начать с ним переговоры о внесении изменений в мирный договор или о новом соглашении относительно крымских выплат. Поэтому вице-канцлер попросил царя наделить Д.А. Бестужева-Рюмина равными с уже пребывавшими при Высокой Порте послами полномочиями. Данная предосторожность оказалась излишней. Поначалу Высокая Порта намеревалась допустить на аудиенции к великому везиру и султану для вручения ратификации одного Д.А. Бестужева-Рюмина.

Вскоре после приезда ближнего стольника в Адрианополь великий везир поинтересовался: «кто из них послом первой товарищ, паки ли государственной подканцлер или новоприехавшей посол господин Безстужев-Рюмин». П.П. Шафиров намеренно исказил положение дел, ответив, что тот прислан к ним в товарищи «и первенство имеют по указу царского величества они» [25, л. 459].

2 сентября все три посла – П.П. Шафиров, М.Б. Шереметев и Д.А. Бестужев-Рюмин – были на аудиенции у великого везира (где их принимали с «честью не менши ничем пред цесарскими») [25, л. 474]. 8 сентября послов призвали во дворец к султану, где они были также «приняты с великою честью». Процессия снова привлекла внимание местных жителей и европейских дипломатов, обративших внимание на многочисленную свиту послов и огромное число ювелирных украшений [28, р. 189]. Во дворце царские грамоты великому везиру передал П.П. Шафиров. Он же первым произнес речь о намерении государя поддерживать дружественные отношения с Османской империей, затем выступили Д.А. Бестужев-Рюмин и М.Б. Шереметев. «И приняты во всем против прежних великих послов, и обедали с везирем» [25, л. 492–494, 504 об.].

Таким образом, ратификация Адрианопольского договора была доставлена и вручена раньше установленного срока. Русские послы надеялись, что в скором времени получат от османского султана ответные грамоты, после чего смогут вернуться на родину. Однако Высокая Порты не спешила утверждать договор и отпускать послов.

В сентябре – октябре 1713 г. состоялось несколько встреч с османскими министрами (с перерывом на время поста, «в каторой по обыкновению древнему турки на аудиенцию к султану послов редко допускают») [17, л. 132 об.]. На этих конференциях обсуждались вопросы предстоящего разграничения земель, обмена пленными и т. д. Помимо этого османские министры настойчиво выясняли у русских послов, получили ли они полномочия на решение вопроса о крымских выплатах, «чтоб оной пункт ныне изъяснить имянно, и время-де уже иное, как в том пункте написано, ныне к тому пришло» [25, л. 502]. П.П. Ша-

фиров утверждал, что время «ныне не иное, но еще настоящее, понеже от салтанова величества мир взаимно не подтвержен». Вице-канцлер напомнил, что между Россией и Османской империей было заключено три договора и ни один из них не ратифицирован султаном [25, л. 502 об.].

20 сентября послам сообщили, что султанскую ратификацию переписывают набело и в ней будут некоторые «отмены». Однако черновой экземпляр или копию текста ратификации им предоставлять отказались. П.П. Шафирову не удалось ее заполучить и через «приятелей». Снова «великим с шумом» османскими министрами потребовали обсудить судьбу крымских выплат [25, л. 520–520 об.]. Русские послы стояли твердо на том, что нельзя нарушать царский указ, запрещающий им вносить изменения в текст договора: «Не в едином из тех пунктов ничего не прибавить, ни убавить ни в едином слове не можем» [25, л. 509 об.]. 22 сентября 1713 г. они подали мемориал султану, к которому приложили копию письма Петра I с указанием «им более ни в какие дела не вступать» [25, л. 520 об.].

Великий везир Али-паша и в октябре продолжал настаивать на переговорах. Он неоднократно угрожал «начатием войны против его царского величества и им, послам, преежестоким заключением, ежели они не вступят ныне в трактат о определении десятого пункта» [25, л. 538–548 об.]. Али-паша также обвинял вице-канцлера, что только он один препятствует началу переговоров. По мнению великого везира, возобновление выплат в Крым прекратит приграничные конфликты и укрепит мирные отношения. Он попытался выяснить у послов, когда их государь направит «особого» посла для переговоров по спорному вопросу.

Осенью на встречах с великим везирем также решался вопрос о доставке грамот султана царю и возвращении послов на родину. В начале переговоров Высокая Порты намеревалась разрешить отъезд всех петровских дипломатов, уже находившихся в Адрианопле. Предполагалось, что вместо них до окончания разграничения земель будет пребывать русский представитель в ранге резидента или секретаря. П.П. Шафиров попросил Г.И. Головкина прислать такого человека, «чтоб оно-

му здесь быть для охранения его царского величества интересов по отъезде нашем (аще Бог соизволит то учинить). И чтоб оной ехал сюда на почте, дабы мог нас здесь застать, чтоб мы его Порте представить и во всем информовать могли и протчая» [25, л. 541]⁶.

Тем не менее на состоявшейся 19 октября конференции великий везир предложил отправить к царскому двору с ратификацией только одного Д.А. Бестужева-Рюмина. П.П. Шафирову и М.Б. Шереметеву следовало остаться до окончания работы комиссии по определению русско-турецкой границы. Послы возражали: «Им по договору надлежит всем вместе по вручении капитуляции отпущенным быть». Однако были вынуждены согласиться задержаться при османском дворе. Великий везир позволил всем послам остаться при Порте, «а капитуляцию и подтвержденную пошлют и с ыными с кем, ибо у них у всех трех комиссия одна, того ради разлучиться не могут» [25, л. 551 об.]. В ноябре Д.А. Бестужев-Рюмин объяснил Г.И. Головкину суть принятого решения не покидать своих коллег: «А одному мне без товарищей своих ехать невозможно. А ежели бы, государь, я послан был с тою ратификациею один, то бы, государь, признали их, послов барона Шафирова и графа Шереметева, по-прежнему за аманатов, а не за послов». [16, л. 34 об. – 35]. Высокая Порта в очередной раз отклонила просьбу разрешить уехать на родину бывшему послу П.А. Толстому, который официально не участвовал в переговорах в Адрианополе.

22 октября 1713 г. Диван постановил, что война с Россией из-за крымских запросов будет противна закону [11, с. 467]. Через три дня рейс-эфенди сообщил послам, что аудиенция у султана «для принятия капитуляции и ратификации» им назначена на 27 октября. Попытки послов «явно и тайно» добыть тексты документов, чтобы проверить «во всем ли оные против договору и в титулах царского величества по достоинству ль написано», не увенчались успехом. Рейс-эфенди пообещал предоставить списки только после аудиенции. Послам пришлось удовольствоваться уверениями беглукчи-эфенди и османского писаря, «которой оные грамоты писал», что «все написа-

но по обычаю и ничего противного трактату не внесено».

Наконец, 27 октября Адрианопольский договор был ратифицирован. В ноябре 1713 г. крымскому хану отправили указ султана «сохранять и почитать» мирный договор с Россией [11, с. 469]. 12 ноября султан со своим двором отправился в Стамбул. 21 ноября покинули Адрианополь и русские послы; через восемь дней они прибыли на берега Босфора. По словам П.П. Шафирова, «поставлены по нашему желанию на прежних наших дворах и содержат нас в добром порядке» [25, л. 614 об.].

Результаты. В 1713 г. на переговорах в Адрианополе Высокая Порта занимала крайне жесткую позицию. Русское правительство было вынуждено принять внесенные османскими министрами «неудобные» изменения в текст договора. Были установлены сжатые сроки ратификации соглашения. Отсчет срока доставки подтверждения начинался 13 июня. Несмотря на то что обмен согласованными текстами соглашения состоялся девятью днями позже, именно 13 июня 1713 г. было указано в тексте договора на русском языке в качестве даты его подписания. Требование отправить с царской ратификацией посла (а не курьера) связано также и с намерением Высокой Порты продолжить переговоры по вопросу о крымских выплатах. Благодаря опыту и дипломатическому искусству П.П. Шафирова османской стороне не удалось принизить статус «старых послов», отстранить их от церемоний обмена ратификациями и начать переговоры с Д.А. Бестужевым-Рюминым о внесении изменений в подтвержденный царем договор. К тому же Высокая Порта, как и Россия, была заинтересована в подписании договора. Османской империи был нужен мир на своих границах, чтобы собрать силы для войны с Венецией (в 1714 г. закончились и польско-турецкие переговоры). Положения Адрианопольского мира отражали интересы османского правительства, отказавшегося от поддержки требований крымского хана. В 1720 г. на основе этого трактата чрезвычайный посланник А.И. Дашков подписал с Высокой Портой договор о вечном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 13 апреля 1713 г. великий везир Хоча (Ходжа) Ибрагим-паша провозгласил начало военного похода, после чего был смещен с должности. Следующим великим везиром стал зять султана – Дамат Али-паша. Новый везир принадлежал к числу османских политиков, которые считали войну с Венецией и возвращение Мореи первоочередными задачами и были против дальнейших конфликтов с Россией [27, р. 57]. Однако в мае и июне послы продолжали получать предупреждения о неизбежности войны из-за их неуступчивой позиции (подробнее см.: [3; 8; 23, с. 394–396]).

² Мнение османской стороны отражено в преамбуле Адрианопольского мира [11, с. 180–182; 21, с. 37–38].

³ Драгун доставил письмо в Санкт-Петербург 13 июля и был произведен в прапорщики [25, л. 496 об.].

⁴ 13 августа 1712 г. стольник А.Ф. Лопухин доставил султану Ахмеду III ратификацию Константинопольского мирного договора. После объявления войны России стольник вместе с П.П. Шафировым, М.Б. Шереметевым и П.А. Толстым был заключен в Едикуле; в апреле 1713 г. его освободили и доставили в Адрианополь [4, с. 22, 57].

⁵ 14 июля, по получении известия о заключении мира, Петр I указал Б.П. Шереметеву (корпус которого располагался на Украине) отправить дивизию А.А. Вейде и три конных полка в Санкт-Петербург, чтобы они смогли участвовать в военных действиях на территории Финляндии [6, с. 399; 12, с. 59–60].

⁶ Г.И. Головкин решил отправить к Высокой Порте в качестве посольского секретаря дьяка Л.Т. Протопопова. Он приехал в Стамбул январе 1714 г., не был принят Высокой Портой и покинул османскую столицу вместе с послами в сентябре того же года [4, с. 136–138].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России : сб. ст. М. : Ин-т истории СССР, 1985. С. 71–88.

2. Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М. : Наука, 1990. 208 с.

3. Артамонов, В. А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М. : Кучково поле, 2019. 448 с.

4. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе : Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (исследование и тексты). СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.

5. «Выписка о дачах» послу Д. А. Бестужеву-Рюмину, июль 1713 // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 18–20.

6. Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М. : Кругъ, 2004. 632 с.

7. «Записка» П. П. Шафирова, август–октябрь 1713 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 24–34.

8. Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. : (Экономика, политика и культура) : сб. ст. М. : Наука, 1966. С. 410–446.

9. Молчанов, Н. Н. Дипломатия Петра Великого. 3-е изд. М. : Междунар. отношения, 1990. 448 с.

10. Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М. : Наука, 1971. 205 с.

11. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1. М. : Наука, 1992. 480 с.

12. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 2. М. : Древлехранилище, 2003. 678 с.

13. Письмо Г. И. Головкина П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву, 31 июля 1713 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Л. 27–31 об.

14. Письмо Г. И. Головкина П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву, 3 октября 1713 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Л. 43–53.

15. Письмо Д. А. Бестужева-Рюмина Г. И. Головкину, 8 августа 1713 // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 23–23 об.

16. Письмо Д. А. Бестужева-Рюмина Г. И. Головкину, 3 ноября 1713 // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 34–35 об.

17. Письмо П. А. Толстого Ф. М. Апраксину, 8 октября 1713 г. // Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 63. Л. 132–133 об.

18. Письмо П. П. Шафирова Петру I, 20 июня 1713 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 18. Л. 608–609 об.

19. Письмо П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева Г. И. Головкину, 23 июня 1713 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 365–365 об.

20. Письмо П. П. Шафирова Ф. М. Апраксину, 10 июля 1713 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 63. Л. 43–44 об.

21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 5 : 1713–1719. СПб. : Тип. II Отд. собств. Е.И.В. канц., 1830. 782 с.

22. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова : в 3 ч. / изд. подг. Т. А. Базарова и Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб. : Миръ, 2011. Ч. 1. 464 с.

23. Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. VIII : История России с древнейших времен. Т. 15–16. М. : Мысль, 1993. 671 с.

24. Статейный список П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева (черновик), март – июнь 1713 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 1–168 об.

25. Статейный список П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева (черновик), июль – декабрь 1713 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8. Л. 443–626 об.

26. Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th century): An Annotated Edition of ‘Ahdnames and Other Documents. Leiden [etc.] : Brill, 2000. 721 p.

27. Sumner B. H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford : B. Blackwell, 1949. 80 p.

28. The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714) / ed. by A. N. Kurat. London : The Royal Historical Society, 1953. 220 p.

REFERENCES

1. Artamonov V.A. O russko-krymskikh otnosheniyakh kontsa XVII – nachala XVIII vv. [On the Russian-Crimean Relations of the Late 17th – Early 18th Centuries]. *Obshchestvenno-politicheskoe razvitie feodalnoj Rossii: sb. st.* [Social and Political Development of Feudal Russia. Collection of Articles]. Moscow, In-t istorii SSSR, 1985, pp. 71-88.

2. Artamonov V.A. *Rossiya i Rech Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709–1714 gg.)* [Russia and Rzeczpospolita After the Victory at Poltava (1709–1714)]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 208 p.

3. Artamonov V.A. *Turecko-russkaya vojna 1710–1713 gg.* [Turkish-Russian War of 1710–1713]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019. 448 p.

4. Bazarova T.A. *Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynye spiski P.P. Shafirova i M.B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg. (issledovanie i teksty)* [Russian Diplomats at the Ottoman Court: Article Lists of P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev in 1711 and 1712 (Research and Documents)]. Saint Petersburg, Istoricheskaya illustratsiya Publ., 2016. 864 p.

5. «Vyписка o dachakh» poslu D. A. Bestuzhevu-Ryuminu, iyul 1713 [“Statement on the Payments” to Ambassador D.A. Bestuzhev-Ryumin]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (hereinafter – RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 15, l. 18-20.

6. Maykova T.S., ed. *Gistoriya Svejskoj vojny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [The History of the Swedish War (Daily Notes of Peter the Great)], iss. 1. Moscow, Krug, 2004. 631 p.

7. «Zapiska» P. P. Shafirova, avgust – oktyabr 1713 g. [“Note” by P.P. Shafirov, August – October, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 15, l. 24-34.

8. Krylova T.K. *Russkaya diplomatiya na Bosfore v 1711–1714 gg.* [The Russian Diplomacy on Bosphorus in 1711–1714]. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII–XVIII vv.: (Ekonomika, politika i kultura): sb. st.* [International Relations of Russia in the 17th – 18th Centuries: (Economy, Policy and Culture). Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 410-446.

9. Molchanov N.N. *Diplomatiya Petra Velikogo. 3-e izd.* [Peter the Great’s Diplomacy. Ed. 3]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1990. 448 p.

10. Oreshkova S.F. *Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII v.* [Russian-Turkish Relations in the Early 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 205 p.

11. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 13, vyp. 1* [Letters and Papers of the Emperor Peter the Great. Vol. 13, Iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 480 p.

12. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 13, vyp. 2* [Letters and Papers of the Emperor Peter the Great. Vol. 13, Iss. 2]. Moscow, Drevlehranilishche Publ., 2003. 678 p.

13. *Pismo G. I. Golovkina P. P. Shafirovu i M. B. Sheremetevu, 31 iyulya 1713 g.* [Letter from G.I. Golovkin to P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev, July 31, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 5, l. 27-31 r.

14. *Pismo G. I. Golovkina P. P. Shafirovu i M. B. Sheremetevu, 3 oktyabrya 1713 g.* [Letter from G.I. Golovkin to P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev, October 31, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 5, l. 43-53.

15. *Pismo D. A. Bestuzheva-Ryumina G. I. Golovkinu, 8 avgusta 1713 g.* [Letter from D.A. Bestuzhev-Ryumin to G.I. Golovkin, August 8, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 15, l. 23-23 r.

16. *Pismo D. A. Bestuzheva-Ryumina G. I. Golovkinu, 3 noyabrya 1713 g.* [Letter from D.A. Bestuzhev-Ryumin to G.I. Golovkin, November 3, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 15, l. 34-35 r.

17. *Pismo P. A. Tolstogo F. M. Apraksinu, 8 oktyabrya 1713 g.* [Letter from P.A. Tolstoy to F.M. Apraksin, October 8, 1713]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voенno-morskogo flota (hereinafter – RGAVMF)* [Russian State Naval Archive], f. 233, inv. 1, d. 63, l. 132-133 r.

18. *Pismo P. P. Shafirova Petru I, 20 iyunya 1713 g.* [Letter from P.P. Shafirov to Peter I, June 20, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, section 2, book 18, l. 608-609 r.

19. *Pismo P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva G. I. Golovkinu, 23 iyunya 1713 g.* [Letter from P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev to G.I. Golovkin, June 23, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 7, l. 365-365 r.

20. *Pismo P. P. Shafirova F. M. Apraksinu, 10 iyulya 1713 g.* [Letter from P.P. Shafirov to F.M. Apraksin, July 10, 1713]. *RGAVMF* [Russian State Naval Archive], f. 233, inv. 1, d. 63, l. 43-44 r.

21. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. 5: 1713–1719* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. From 1649 to December 12, 1825. Vol. 5. 1713–1719]. Saint Petersburg, Tip. II Otd. sobstv. E.I.V. kants., 1830. 782 p.

22. Bazarova T.A., Fomina Yu.B., eds. *Pohodnaya kancelyariya vice-kanclera Petra Pavlovicha Shafirova: v 3 ch.* [Field Chancery of the Vice-Chancellor Peter Pavlovich Shafirov. In 3 Pts.]. Saint Petersburg, Mir Publ, 2011, pt. 1. 464 p.

23. Soloviev S.M. *Sochineniya: v 18 kn. Kn. VIII: Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen. T. 15–16* [Works. In 18 Books. Book 8. History Of Russia Since Ancient Times. Vol. 15–16]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 671 p.

24. Statejnyj spisok P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva (chernovik), mart – iyun 1713 g. [Article List of P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev (Draft), March – June, 1713]. *Arkhiv SPbII RAN* [Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of RAS], f. 83, inv. 3, book 1, l. 1-168 r.

25. Statejnyj spisok P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva (chernovik), iyul – dekabr 1713 g. [Article List of P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev (Draft), July – December, 1713]. *Arkhiv SPbII RAN* [Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of RAS], f. 83, inv. 3, book 8, l. 443-626 r.

26. Kolodziejczyk D. *Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th – 18th Century): An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents.* Leiden etc., Brill, 2000. 721 p.

27. Sumner B.H. *Peter the Great and the Ottoman Empire.* Oxford, B. Blackwell, 1949. 80 p.

28. Kurat A.N., ed. *The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714).* London, The Royal Historical Society, 1953. 220 p.

Information About the Author

Tatyana A. Bazarova, Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific and Historical Archive and Source Studies Group, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Базарова, кандидат исторических наук, заведующая Научно-историческим архивом и группой источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>